

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРА ХРАНЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

*Балташ Ж.К., магистрант юридического факультета КарГУ им. академика Е.А. Букетова
(Научный руководитель - Карибаева А.Е., доктор PhD)*

С обретением независимости Республикой Казахстан и построением демократического правового государства в социально-экономической и политико-правовой жизни нашего общества произошли большие перемены, которые затронули и гражданско-правовые отношения. Отказ от административно-командных методов управления экономикой, доставшиеся нам от советского наследия, изменения в правовом регулировании экономических отношений требуют приведения форм и методов товарного рынка в соответствие с новыми условиями.

На наш взгляд, исследование характеристики договора хранения, а также определение его места в системе обязательств об оказании услуг представляется важным как для развития научного представления в этой области, так и для совершенствования законодательства в данной сфере.

Следует отметить, что понятие договора хранения не претерпело существенных изменений по сравнению с редакцией данного договора в Гражданском Кодексе 1963 года, оно является традиционным для гражданского законодательства, единственное отличие заключается в конкретизации предмета договора - предметом договора хранения стала вещь (в ГК 1963 года предметом договора хранения выступало имущество).

По договору хранения одна сторона (хранитель) обязуется хранить вещь, переданную ей другой стороной (поклажедателем), и возвратить эту вещь в сохранности согласно п. 1 ст. 768 ГК РК от 26.07.2016 г. [1].

Изучая труды современных ученых, занимавшихся проблемами договора хранения, мы можем констатировать, что ими практически не высказывались какие-либо предложения по изменению и совершенствованию определения, данного законодателем.

Так, ученый К.С. Боуш предлагает изложить рассматриваемое понятие в следующей редакции: «По договору хранения одна сторона (хранитель) обязуется хранить вещь, переданную ей другой стороной (поклажедателем), и возвратить ее в сохранности. А другая сторона обязуется получить вещь обратно по истечении срока хранения, уплатить хранителю вознаграждение, если из закона содержания договора не вытекает иное, а также возместить хранителю расходы на хранение, если они не включены в вознаграждение за хранение» [2; 37].

Отдавая дань уважения авторскому взгляду, мы присоединяемся к мнению законодателя и подавляющего большинства ученых, т.к. считаем, что в п. 1 ст. 768 ГК РК более полно, и без излишнего усложнения и «перегруженности» отражены все ключевые аспекты понятия договора хранения, раскрывающие его сущность и особенности.

Договор хранения соприкасается с довольно широким кругом гражданско-правовых договоров. Прежде всего, речь может идти о договорах аренды, ссуды, займа, охраны, а также обязанностях по сохранности имущества. Разграничение данных гражданско-правовых договоров имеет большое, как теоретическое, так и практическое значение.

Договоры в гражданском праве можно классифицировать по различным основаниям. Но самым значимым будет являться разделение договоров по признаку цели, направленности обязательства. Такая направленность может выражаться как в экономическом, так и в юридическом результатах, которые достигаются путем основных действий участников соответствующих правоотношений. Классификация по признаку цели, направленности является основной в системе договорного права. Поэтому классификация любого договора должна начинаться именно с определения его цели, направленности. Другие системные факторы могут иметь значение лишь после установления принадлежности обязательства к конкретной группе [3; 21].

Проводя разграничение договоров по признаку цели, направленности, можно выделить договоры, направленные на выполнение работ и на оказание услуг. Среди этих договоров, опять же по признаку направленности, можно выделить договор хранения. Суть данного обязательства заключается в оказании услуг по обеспечению сохранности переданного на хранение имущества. Поступившее таким образом к хранителю имущество принимается им на соответствующий учет. Такое имущество учитывается отдельно от другого имущества на забалансовом счете. Тем самым имущество, о котором идет речь, является для хранителя «чужим». По указанным причинам на это имущество не может быть обращено взыскание по долгам арендатора, ссудополучателя и

хранителя, а при их банкротстве это имущество не включается в конкурсную массу этих юридических лиц [4; 53].

Договор хранения, являясь традиционным институтом гражданского права, имеет очень богатую историю. Возникнув еще в античный период, на современном этапе данный договор сохранил основные черты, присутствовавшие еще в римском частном праве, но уже с учетом специфики современной экономической ситуации и рыночных отношений.

Следует отметить следующие этапы формирования договора хранения и выявить особенности правового регулирования данных отношений на каждом этапе: античный период (римское право); период казахской государственности (обычное право казахов); период вхождения Казахстана в состав Российской империи; период формирования единой государственной системы (советский период); период переходной стагнации (в ГК КазАССР 1922 г. не содержалось норм о договоре хранения); период возрождения (ГК КазССР-1963 г. регламентирует договор хранения); современный период.

Если обратиться к советскому периоду, то в ГК КазССР 1963 г. провозглашалась презумпция безвозмездности хранения, действующий ГК отошел от этого и только в отношении к некоторым специальным видам хранения содержит определенные нормы. Договор хранения может быть как безвозмездным, так и возмездным. Некоторые авторы считают, что данный договор предполагается безвозмездным, а вознаграждение хранителю должно быть специально предусмотрено в законе или договоре. Возмездным чаще всего бывает договор, в котором хранителем выступает организация, осуществляющая хранение чужих вещей в качестве профессионального хранителя. Данное положение нашло свое закрепление в таких трудах, как «Гражданское право России. Обязательственное право» под ред. О.Н. Садикова, курс лекций А.Ю. Кабалкина «Гражданско-правовые договоры в России. Общие положения», «Комментарий к ГК РК, части второй».

Однако такой вывод поддерживается не всеми учеными. Например, А.П. Сергеев считает, что «договор хранения является возмездным [5; 605].

Прямо в ГК РК об этом не говорится, но к такому выводу следует прийти путем буквального толкования его норм, в частности ст. ст. 770, 774, 775, 779 ГК РК и др. Это позволяет констатировать отказ законодателя от прежней позиции по этому вопросу (ср. со ст. 420 ГК 1963г.). Необходимо согласиться с мнением З.И. Цыбуленко о том, что «безвозмездными являются отношения, складывающиеся при сдаче гражданами на кратковременное хранение вещей в регулирующие деятельность гардеробов организации, в камеры хранения санаториев, домов отдыха, предприятий бытового обслуживания. Возмездность присуща обязательствам по хранению, возникающим между профессиональными хранителями и гражданами, а иногда между гражданами. Возмездные правоотношения по хранению являются взаимными. При безвозмездных отношениях обязательства хранения тоже являются взаимными. Хотя в таких случаях поклажедатель и не несет обязанности по уплате хранителю вознаграждения или по предоставлению каких-нибудь благ или услуг, он обязан взять имущество обратно, возместить расходы по хранению, что придает указанным отношениям двусторонний или взаимный характер» [6; 3].

По мнению российского ученого М.И. Брагинского, «в литературе получила распространение и промежуточная точка зрения. Она сводится к тому, что безвозмездное хранение действительно строится на модели одностороннего договора. Однако, при определенных обстоятельствах этот договор трансформируется в двусторонний» [4; 47].

По мнению О.С. Иоффе, «даже такой договор хранения, который был первоначально заключен как односторонний, может впоследствии, в силу различных причин, приобрести черты взаимного договора. Так, приняв имущество для безвозмездного хранения, хранитель приобретает право на возмещение ущерба, возникшего по вине поклажедателя» [7; 337]. В.Ф. Яковлева полагает, что «реальный безвозмездный договор - односторонний, так как хранитель в этом договоре несет только обязанности, а поклажедатель имеет только права. Однако договор хранения, заключенный как односторонний, может в силу определенных причин приобрести черты взаимного договора.

Так, если при безвозмездном хранении хранитель понес расходы, необходимые для сохранения имущества, то поклажедатель обязан эти расходы возместить» [5; 13]. По общему правилу хранение предполагается возмездным, при этом соглашением сторон или законодательными актами может быть обусловлена безвозмездность хранения (пункт 2 статьи 774 ГК).

Вопрос о возмездности или безвозмездности договора налагает свой отпечаток и на поведение хранителя. Согласно пункту 2 статьи 775 Кодекса, если хранение осуществляется безвозмездно, хранитель обязан заботиться о принятой на хранение вещи, как о своей вещи. Эта норма на практике сталкивается с проблемой толкования: что тем самым хотел сказать законодатель? Какой из хранителей (возмездный или безвозмездный) должен «более ответственно» подходить к исполнению своих обязанностей?

Необходимо ответить однозначно, что более «ответственным» следует признавать возмездного хранителя, поскольку безвозмездному хранителю позволяется хранить принятые вещи так же, как и свои, даже если к безопасности своих вещей он относится не вполне осторожно и разумно [8; 21].

А.П. Сергеев полагает, что действующее гражданское законодательство вводит общую презумпцию возмездности хранения [5; 604] но при анализе соответствующих статей ГК РК выясняется, что закрепление презумпции возмездности не преследуется. Так, ст. 774 п. 1 посвящена тому, как следует производить выплату вознаграждения, оставляя открытым вопрос о том, когда же эта необходимость возникает. Пункты 2,3, указанной статьи, ограничиваются тем, что применительно к специальному вопросу «когда и какие расходы хранителя подлежат возмещению» приводит два решения: одно имеет в виду возмездное, а другое, соответственно, безвозмездное хранение. Наконец, ст. 788 ГК презюмирует безвозмездность такого вида хранения, как хранение в гардеробах организаций, но вывод о том, что во всех остальных случаях действует презумпция возмездности, мы можем сделать, только действуя методом «от противного». Подтверждением данного вывода может служить то, что другой ученый, делая ссылку на отдельные статьи ГК, приходит прямо к противоположному выводу: к закреплению в ГК презумпции безвозмездности [9; 12].

Нам думается и представляется более верной позиция ученых, отстаивающих мысль о возмездности договора хранения. Основанием для такого вывода нам послужили положения не гл. 39 ГК, а общие положения о договорах ГК. Указанная норма устанавливает границы действия рассматриваемой презумпции: она не применяется, если это вытекает из закона, иных правовых актов, существа или содержания договора. Применительно к хранению это относится к тем его видам, в которых прямо устанавливается безвозмездность рассматриваемого договора, при этом полагаем, что нет необходимости в выяснении, является ли соответствующая норма диспозитивной или императивной.

Спор о том, является ли хранение одно- или двусторонним договором, был и остается в практике наиболее острым. Иначе говоря, порождает ли этот договор обязательство только у одной из его сторон или обеих?

«Относительно того, носит ли договор хранения взаимный характер или является односторонним, в юридической литературе давно существуют разные мнения. Хотя договор хранения и заключается, прежде всего, в интересах поклажедателя, более убедительной представляется позиция, согласно которой правами и обязанностями обладают обе стороны, в том числе даже тогда, когда договор хранения является безвозмездным и реальным. Разумеется, здесь нельзя говорить об их равномерном распределении между сторонами, так как поклажедатель с учетом основной цели договора традиционно пользуется значительно большими возможностями, чем хранитель. Но, по крайней мере, две обязанности, а именно обязанности по возмещению расходов на хранение и по получению сданной на хранение вещи, на поклажедателя возлагаются практически во всех случаях» [6; 115].

Под не связанными с выплатой вознаграждения обязанностями поклажедателя подразумеваются, главным образом, необходимость возмещения хранителю причиненных убытков, а также получение сданной на хранение вещи. А.П. Сергеев подчеркивал: «По крайней мере, две обязанности, а именно обязанности по возмещению расходов на хранение и по получению сданной на хранение вещи, на поклажедателя возлагаются практически во всех случаях» [5; 605]. По поводу первой из этих обязанностей можно указать, прежде всего, на то, что она не является взаимной по отношению к обязанностям хранителя, хотя именно взаимность выражает смысл двустороннего договора. Определенное значение имеет и то, что приведенный довод, призванный обосновать двусторонний характер договора хранения, может использоваться для оспаривания отнесения к односторонним любого, обычно включаемого в эту группу, договора. Так, например, мнение об односторонности договора дарения (если не считать введенную в действующий ГК модель консенсуального договора хранения) разделяется по сути дела всеми, кто занимался исследованием правовой природы рассматриваемого договора. И это

притом, что в силу ст. 516 ГК на дарителя все же возлагается обязанность возмещать одаряемому вред, причиненный его жизни, здоровью или имуществу недостатками подаренной вещи.

Безвозмездное хранение строится по модели одностороннего договора, однако при определенных обстоятельствах это обязательство трансформируется в двусторонний. В частности, по мнению О.С. Иоффе, «даже такой договор хранения, который был первоначально заключен как односторонний, может впоследствии в силу различных причин приобрести черты взаимного договора. Так, приняв имущество для безвозмездного хранения, хранитель приобретает право на возмещение ущерба, возникшего по вине поклажедателя» [7; 492]. Сходную позицию занял и В.Ф. Яковлев. Имея в виду уже иную обязанность поклажедателя, он полагает, что «реальный безвозмездный договор - односторонний, так как хранитель в этом договоре несет только обязанности, а поклажедатель имеет только права. Однако договор хранения, заключенный как односторонний, может в силу определенных причин приобрести черты взаимного договора. Так, если при безвозмездном хранении хранитель понес расходы, необходимые для сохранения имущества, то поклажедатель обязан эти расходы возместить».

В некоторых случаях для возникновения договора хранения одного юридического факта бывает недостаточно, и тогда возникает необходимость в наличии юридического состава, т.е. совокупности юридических фактов. Как верно отмечает О.А. Красавчиков, эти отдельные факты, только входя в юридический состав, «находят там свое призвание в качестве юридических». Отсутствие любого из элементов этой совокупности «приводит к омертвлению не только юридического состава в целом, но и отдельных его частей по отношению к данному составу» [10; 57]. Как известно, обязательства хранения могут возникать и из договоров, где хранение выступает в качестве второстепенной функции, а содержанием будет являться оказание какой-либо иной услуги (например, гостиничные услуги, пользование бассейном и иное). Какая-либо специальная направленность по сохранности имущества здесь отсутствует, не требуется особого согласия стороны по принятию обязанности по хранению имущества. Для возникновения такого рода обязательств является достаточным заключение соответствующего договора о предоставлении услуг.

Еще одним основанием возникновения такого рода правоотношений могут являться юридические поступки. Данная категория представляет собой определенные правовые действия, которые влекут наступление правовых последствий. При этом правовые последствия наступают независимо от того, были ли на них направлены эти действия или нет. К таким правовым действиям можно отнести административные акты органов государственного управления.

Административные акты являются самостоятельными основаниями возникновения правоотношений по хранению. Одной стороной будет выступать непосредственно сам орган управления, издавший такой административный акт, а другой стороной будет являться либо гражданин, либо организация, которым предписан такой акт. Однако акт органов управления должен характеризоваться специальной направленностью, которая, в свою очередь, ведет к возникновению рассматриваемых обязательств. На практике очень часто встречается, когда договор хранения выступает в качестве притворной сделки, совершаемой с целью прикрыть сделку по передаче имущества в безвозмездное пользование.

Из вышеизложенного, хотелось бы констатировать, что данный вид договора действительно относится к договорам по оказанию услуг и, безусловно, имеет большое значение в гражданском обороте. Обращает на себя внимание значительная «коммерциализация» положений о хранении в ГК РК. Такая приближенность потребностям экономического развития не только выразилась в выделении особой группы норм о хранении на товарных складах, но и пронизала общие положения, применимые ко всем видам хранения. Следует отметить, что с развитием рыночных отношений договор хранения на практике приобретает в основном возмездный характер.

Список литературы:

1 Гражданский Кодекс Республики Казахстан от 1 июля 1999 года № 409-І «О договоре хранения» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 26.07.2016 г.) Информационная система: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=1013880#sub_id=7680000

2 Боуш К.С. Договор хранения в гражданском праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005. - 152 с.

3 Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. – М.: Статут, 1998. – 840 с.

- 4 Брагинский М.И. Договор хранения.- М.: Статут, 1999. - 155 с.
- 5 Сергеев А.П.Гражданское право: Учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого.- М., 1998.- Ч. 2. – 605 с.
- 6 Цыбуленко З.И. Обязательства хранения в советском гражданском праве. - Саратов, 1980. – 140 с.
- 7 Иоффе О.С. Обязательственное право. - М.: Юридическая литература, 1975. - 880 с.
- 8 Климкин С. А. Вопросы правового регулирования договора хранения в гражданском кодексе РК // Юрист. – 2003. - № 5. - С. 20-23.
- 9 Петров И. Режим ответственного хранения // Советская юстиция. -1968.-№ 17. – С. 16-21.
- 10 Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. - М: Госюриздат, 1958. - 184 с.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕДВИЖИМОМ ИМУЩЕСТВЕ

Оразгалеева А.Т., магистрант юридического факультета КарГУ им. академика Е.А. Букетова

Собственность на недвижимость, в отличие от собственности на движимое имущество, появилась сравнительно поздно, с достижением народом уже значительной степени культурного состояния [1, 54]. На ранних ступенях развития римского общества (IV-III вв. до н.э.) земля – главная недвижимость – являлась племенной или государственной собственностью, а право на нее отдельных членов общины римского народа ограничивалось простым владением. В период так называемого «классического римского права» на основе разложения коллективной собственности развивается индивидуальная частная собственность на вещи, в том числе на земельные участки [2, 61].

В римском праве вещи «различались преимущественно по механическим свойствам своей природы» (движимые, недвижимые, делимые, неделимые, потребляемые, непотребляемые и т.п.) [3, 9]. Первоначально в Риме деление вещей на недвижимые (*res immobiles*) и движимые (*res mobiles*) не имело принципиально важного практического значения, так как правовой режим всех категорий вещей регулировался фактически одними и теми же юридическими нормами.

Недвижимые имущества по экономическим свойствам делились на *praedium rusticum* – доставляющие доход естественными плодами (например, пахотное поле) и *praedium urbanum* – не доставляющие естественных плодов (например, дом). К недвижимости римляне относили земельные участки (*solum, fundus*, обширные участки – *latifundia, campi*, малые – *praedia, loci*). В состав земельного участка входила сама земля и все, что с нею естественно или искусственно соединено (*junctia, implicatio*) «так, что не может быть отделено или без ущерба для их сущности, или без перемены их формы» [3, 270]. К участку относилось также пространство под и над ним находящееся. В качестве общего термина для обозначения участка со всем находящемся на нем римляне пользовались выражением: *res soli* [4, 129]. Все то, что было прочно связано с землей путем насаждения, возведения надстройки или каким-либо иным способом (постройки, посевы, насаждения и т.п.), так называемый *superficies*, теряло качество недвижимых вещей с момента отделения от земной поверхности. В свою очередь А.А. Подопривога считает, что к составным частям земли причисляли не только вышеуказанные объекты, но и все, что было связано с недвижимыми вещами (рабочий скот, предназначенный для обработки земли, сельскохозяйственный инвентарь для этой же цели) . Причем постройки, посевы, насаждения рассматривались только как единое целое с землей, последняя считалась «главной частью, и все, что ее покрывало, разделяло ее участь» [5, 4]. Тем самым в качестве основополагающего принципа был выдвинут следующий: *superficies solo cedit* – сделанное на поверхности следует за поверхностью, то есть независимо от того, кем и на чьи средства было построено здание, оно всегда – собственность собственника земельного участка, на котором объект возведен.

Таким образом, в римском праве классификация вещей на движимые и недвижимые основывалась исключительно на природном свойстве вещей – связи с землей и физической неспособности или способности к перемещению. К недвижимости относились земля и все, что с ней тесно связано, а к движимости – то, что можно переместить с места на место без изменения сущности вещи.

В Европе, в более позднее время, в основу рассматриваемого деления был положен уже не